

Австронезийская (далее АН) семья является по числу входящих в нее языков крупнейшей среди общепризнанных в современной лингвистике языковых семей. Научным исследованием АН языков занимаются уже не одно столетие, и в настоящее время эта семья сравнительно хорошо изучена. Очередным вкладом в исследование АН языков стал рецензируемый сборник. Эта книга включает 12 статей, предметом которых является морфология (чаще историческая) более или менее обширных групп языков в данной семье, а в одном случае (статья Р. Бласта) – историческая морфология семьи в целом. Сборник посвящен Б. Бендеру, чьи крупнейшие научные заслуги связаны с исследованием микронезийских языков. При этом книга в большой мере отражает интересы современных австронезистов-морфологов – особенно в плане изучения восточно-малайско-полинезийских языков, в первую очередь океанийских.

В предлагаемом обзоре работ сборника особое внимание хотелось бы уделить самой длинной статье (почти 60 страниц), открывающей основную часть и принадлежащей одному из виднейших австронезистов нашего времени – Роберту Бласту, тем более, что данная работа – единственная в сборнике, имеющая общеавстронезийскую направленность. Бласт правильно отмечает, что “проблемы лингвистического анализа могут иногда оказываться неразрешимыми, если мы не принимаем в учет связанные с ними особенности неязыковой культуры” (с. 42). Соответственно, статья Бласта посвящена анализу одного важного (хотя и не преобладающего) компонента лексики АН языков с точки зрения их связей с культурой говорящих на них народов.

В большинстве АН языков основная часть непроемких знаменательных слов является двусложными. Однако во многих языках данной семьи имеются и более длинные, казалось бы, непроемкие и несложные слова, содержащие 3-4 слога, а иногда и еще больше; ср. в тагальском языке ‘(крупная) бабочка’ – *aliparó* и характерное для этого языка двусложное непроемкое *dugó* ‘кровь’. Продуктивного префикса *ali-* в тагальском языке нет – равно как нет и основания считать, что такой префикс или комбинация префиксов существовали в недалеком прошлом (детальное описание тагальской морфологии см. в [Шкарбан 1995]).

Бласт считает, что тагальское *aliparó* и аналогичные слова других АН языков включают следы полностью фоссилизированного префикса, реконструируемого им как **qali-/kali-*, но

имеющего ныне десятки алломорфов. Само явление многочисленности алломорфов автор называет гипералломорфией, признавая при этом, что оно составляет известную проблему и для общего языкознания (с. 33). Бласт пробует рассматривать **qali-/kali-* как последовательность двух односложных префиксов, но отвергает такое представление как не находящее достаточной поддержки в языковом материале. Далее он признает, что для объяснения гипералломорфии необходимо рассмотреть значения слов, в которых представлены алломорфы данного префикса. Оказывается, эти алломорфы встречаются главным образом в словах нескольких лексико-семантических категорий:

(А) названия разных насекомых и ползающих животных, в основном отдельных их видов (обобщающие слова типа ‘муравей’, ‘змея’ не имеют следов префикса **qali-/kali-*; исключением является слово ‘бабочка’). Предполагаемый префикс особенно часто прослеживается в названиях фосфоресцирующих животных – летающих светлячков, светящихся стоножек и т.д. Префикса, как правило, нет в названиях мелких животных, имеющих экономическое значение (положительное или отрицательное) или часто проникающих в жилище:

(Б) названия нежелательных или необычных природных явлений вроде смерча или радуги. Префикса **qali-/kali-* нет в словах, именующих вполне обыкновенные природные явления, например, ‘ветер’, ‘дождь’.

Бласт считает, что в результате основанного преимущественно на случайном сходстве процесса, названного им “семантическим заражением” (semantic contagion) реконструируемый им префикс распространился на названия некоторых частей тела, разных птиц и рыб, многих растений и т.д., но ставит вопрос: что общего между объектами, чьи названия включают рассматриваемый префикс? На первый взгляд, признает Бласт, ничего общего нет. Однако он считает вероятным, что **qali-/kali-* употреблялся преимущественно в названиях предметов, существ и явлений, которые казались древним австронезийцам связанными с миром духов.

Такое объяснение возможно, но трудно доказуемо. Следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, так называемое семантическое заражение, видимо, повторялось многократно (Бласт это признает, но выводов не делает). Конкретные формы префикса при этом не учитываются – быть может, разные алломорфы характерны для разных

групп языков? Во-вторых, некоторые, и вероятно довольно многие, слова с предполагаемыми Блостом рефлексам **qali-/kali-*, несомненно, допускают и другую этимологию (что допускает и автор статьи, хотя кажется, только в сноске, с. 49): например, паиван *ma-ru-* 'той же величины', сангир *mahɛ(N)-* 'сходный с'. Из префиксов, встречаемых главным образом в названиях растений, можно отметить болаангмонгондоу *mogo-* (как и сангир *mahɛ(N)-*). Малайское слово *mɛɔ-limau*, явно понимаемое как 'псевдо-цитрус' (ср. *limau* 'лимон'), называет разные деревья, имеющие какое-нибудь – порою весьма поверхностное – сходство с деревом *Citrus*. В-третьих, хотя Бласт выразил сомнение в том, стоит ли использовать названия растений в качестве аргументов в пользу **qali-/kali-*, несомненно, что ядовитая флора, а также лекарственных растения могли бы рассматриваться как обладающие волшебной силой. Например, в доисламском бугийском эпическом цикле "Ла Галиго" (о Сулавеси) сын Бога-Творца, спускаясь с неба на землю, бросает на ее поверхность некоторые растения, благодаря чему возникают реки, леса и животные – и земля становится годной для жизни будущих людей. Правда, многие префиксы в названиях растений, как кажется, не происходят из **qali-/kali-*. В-четвертых, несколько удивительным кажется отношение Блоста к классификации АН языков. Так, в [Blust 1999] он высказался за отказ от предложенного им еще в 1977 г. понятия "западных малайско-полинезийских языков" (включавших языки Филиппин, западных и центральных частей Индонезии, АН областей материковой Юго-Восточной Азии и Мадагаскара). Данный отказ понятен, поскольку уже давно стало ясно, что "западные малайско-полинезийские языки" не выполняют требований, предъявляемых группе в генеалогической классификации. Но в рецензируемой статье Бласт вновь говорит о западно-малайско-полинезийской реконструкции (разъяснений не дается) – правда, согласно сноске на с. 15 статья основана на докладе, прочитанном Блостом еще в 1983 г., хотя и указывается, что его текст был основательно переработан. Так или иначе, несмотря на учет ряда материалов, ставших доступными только в последние годы, на фоне быстро развивающейся австронезистики статья производит впечатление уже несколько устаревшей.

В ряде статей сборника рассматривается выражение принадлежности в АН языках. В языках восточной половины семьи (практически всюду в языках Тихого океана, а также во многих языках Восточной Индонезии) в именной группе проводится различие между отторжимой и неотторжимой принадлежностью. В

таких языках, за исключением полинезийских, неотторжимая принадлежность с местоименным зависимым выражается посессивной местоименной морфемой, которая присоединяется к вершине группы. При выражении отторжимой принадлежности эта морфема присоединяется, однако, к посессивному классификатору, рядом с которым ставится имя со значением объекта обладания; ср. (стандартный) фиджийский *na yava-mi* 'твоя нога' (неотторжимая принадлежность; *na* – артикль) и *na ke-mi mandrai* 'твой хлеб' (*ke-* – классификатор, относящийся в основном к еде). Кроме того, разные авторы высказывали мнение, что в праокеанийском существовало несколько конструкций, выбор которых зависел от того, был ли посессор референтным (*specific*) или нереферентным и была ли принадлежность отторжимой или неотторжимой.

Обобщающая таблица соответствующих грамматических структур, составленная на основе реконструкций других исследователей, приводится в статье М. Росса (с. 261). Главной темой его работы является этимология нескольких служебных морфем, встречаемых в подобных конструкциях, и суффикса **-ki*, образующего самостоятельную – "обобщающую" – форму существительных, обычно указывающих на объект неотторжимого обладания; ср. в амбаэ (северная часть архипелага Вануату) *vulu-* 'волосы (чьи-то)' и *vuluki* 'волосы (вообще)' (заметим, что обобщающие формы имеются не во всех языках, различающих типы обладания; так, в некоторых языках вместо 'волосы (вообще)' говорится 'чьи-то волосы' и т.п.).

Во многих АН языках системе выражения принадлежности были свойственны особые пути развития, чему посвящены ряд статей сборника. Так, Дж. Линч и Т. Кроули в своих статьях рассматривают эволюцию посессивных классификаторов (Кроули – также местоименных морфем) в некоторых языках южного Вануату. В работе К. Рега обсуждаются особые черты посессивных парадигм в микронезийском языке понпе (Pohnpeian), где происходит тонкое взаимодействие между формой местоименных притяжательных суффиксов (которая различается в зависимости от того, оканчивается ли основа слова на гласный или согласный) и выбором гласной в корне.

Следует заметить, что аналогичные, но нередко более глубокие и более распространенные изменения гласных имеют место и в других микронезийских языках, а варьирование формы притяжательных местоименных показателей наблюдается и вдали от этого ареала, в частности, в центрально-кордильерской подгруппе на о. Лусон (Филиппины). Например, в языке бонток местоименный суффикс (или эн-

клитика) 2 лица единственного числа звучит в зависимости от того, является ли предыдущий звук гласным или согласным как *-tu* или *-m*; ср. *abu-tu* ‘твой дом’ и *asu-m* ‘твоя собака’. Рассмотрение подобных местоименных показателей в бонток и некоторых других языках о. Лусон – тема статьи Л. Рейда, который считает, что указанное формальное варьирование распространилось и на некоторые формы глагола (где те же морфемы указывают на агентов): бонток *'i-wasit-mu* ‘ты выбрасываешь’, *dalus-a-m* ‘ты чистишь’.

Лично-местоименные морфемы, указывающие на агенса, но предшествующие основе глагола, имеются во многих других АН языках. Объектом исследования в статье Дж. Брэшоу является ябем, один из АН языков Новой Гвинеи, где некоторые из этих морфем различают также реалис и ирреалис, а другие (множественное число) – нет. Брэшоу показывает, как ябем “борется” с этим недостатком в своей структуре – несомненно, возникшим относительно недавно.

В отдельных языках семьи перед “чистой основой” глагола могут ставиться не только лично-местоименные морфемы, но и некоторые существительные – личные имена, слова обращения и т. п. – а иногда даже и их сочетания. Например, индонезийский язык (с лингвистической точки зрения – один из вариантов малайского) допускает конструкцию типа следующей (где существительное или группа существительных указывает на агенса):

yang telah Bung Kelinci
который уже старший.брат кролик
tinju
бить.кулаками
‘которого ты, брат Кролик, уже бил кулаками’

Данное явление в сборнике исследуется индонезийским лингвистом Варуно Махди.

В статье Ш. Хэррисона рассматривается гласный *-i* в непереходных глаголах микронезийского языка кирибати (гильбертский, Gilbertese). Хэррисон считает, что в древнем микронезийском этот суффикс, исконно свойственный только переходным глаголам, распространился также на непереходные глаголы, но затем в большинстве языков микронезийской группы отпал подобно многим другим гласным в конце слова.

Тема глагольной суффиксации продолжаетеся в статье Э. Поли, где обсуждается развитие суффикса *-Cia* (C – практически любой согласный) в полинезийских языках. Функции форм с этим суффиксом неодинаковы; чаще всего, это, по-видимому, пассив и императив (между прочим, во многих других АН языках в императиве тоже употребляются пассивные формы). Автор показывает, что согласный суф-

фикса происходит из конечного согласного основы, но после потери конечных согласных в восточно-океанийском праязыке (предке праполинезийского) между основами глаголов имели место значительные взаимовлияния, так что теперь варианты *-Cia* (*-tia*, *-mia* и др.) часто уже этимологически необъяснимы. Что касается элемента *-i* в *-Cia*, то как считает Поли, он продолжаете праокеанийский суффикс переходности **-i*. Наиболее загадочным оказывается происхождение конечной гласной. Поли вводит в рассмотрение восточно-океанийские языки, более архаичные в этом отношении (ароси и др.), и выражает мнение, что праполинезийское **-a* происходит из такого же восточно-океанийского суффикса, служившего для образования пассивных причастий и/или статических глаголов с подобным значением. Ср. в восточно-океанийском **matakut(i)* ‘бояться’ (непереходный) – **matakut-i* ‘бояться (кого-либо или чего-либо)’ (переходный) – **matakut-i-a* ‘такой (или: быть таким), которого бояться’. В дальнейшем, на пути к праполинезийскому в форме **matakutia* произошло переразложение.

Важной чертой строя АН языков является редупликация, которая, выполняя разные семантические и синтаксические функции, выступает почти всюду в более чем одной форме. (Краткий обзор моделей редупликации, наблюдаемый в языках Западной Индонезии можно найти в статье [Сирк 1980]; при рассмотрении всей семьи предлагаемый там список приходится несколько расширить.) Этот аспект австронезийской морфологии отражен в статье В. Шперлиха, посвященной функциям двух моделей редупликации в полинезийском языке ниуэ (причем выводы данной работы касаются и других полинезийских языков).

Особый вопрос, возникающий при изучении АН морфологии, связан с трудностями применения понятия морфемы к некоторым языкам семьи, в частности, к языкам филиппинского типа (см., например, обсуждение в книге [Prentice 1971], посвященной описанию языков муротской группы Северного Борнео; об основных характеристиках филиппинского типа см., в частности [Ландер 2005]). В рецензируемый сборник входит статья Ф. Лихтенберка, обсуждающая морфологический статус тематических согласных (появляющихся в конце основы перед суффиксом) в двух океанийских языках, которые по грамматическому строю далеки от филиппинского типа. Автор приводит аргументы за то, что тематический согласный в данных языках следует рассматривать как отдельную морфему. Ср. в манам *logori* ‘слышать его/ее/это’, делимое Лихтенберком как *logo-r-i*, где *-i* – суффикс 3 лица, а

основа – *loro*, восходящая к праАН **dəŋəʔ* ‘слышать’. В статье подчеркивается точка зрения, согласно которой в данной ситуации мы имеем дело с морфемой особого типа – семантически пустым морфом, который, по Лихтенберку, не обязательно является знаком. Несмотря на то, что тематический согласный семантически пуст, во многих случаях он, как отмечает автор, обнаруживает некоторые семантические ассоциации. Аналогичные явления наблюдаются во многих океанийских языках, да и в некоторых неокеанийских языках АН семьи, которые потеряли согласный в конце слова, но сохраняют тематический согласный перед суффиксом или энклитикой.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на немалый разброс тем, обнаруживаемый в сборнике, почти все они объединяются вокруг определенных явлений, характеризующих АН семью – посессивных конструкций, местоименных показателей, суффиксов переходности. Эти явления, несомненно, принадлежат к областям, центральным для грамматики любого языка. А значит, можно надеяться, сборник будет интересен не только австроне-

зистам, но и типологам и компаративистам широкого профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ландер 2005 – Ю.А. Ландер. [Рец.:] The history and typology of western Austronesian voice systems / F. Wouk, M. Ross (eds.) // ВЯ. 2005. № 2.
- Сирк 1980 – Ю.Х. Сирк. О структуре повторов в западных индонезийских языках // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов / Отв. ред. Н.Ф. Алиева. М., 1980.
- Шкарбан 1995 – Л.И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
- Blust 1999 – R. Blust. Subgrouping, circularity and extinction: some issues in Austronesian comparative linguistics // Selected papers from the Eighth International conference on Austronesian linguistics/E. Zeitoun, P.J. Li (eds.). Taipei: Institute of linguistics (Preparatory Office). Academia Sinica. 1999.
- Prentice 1971 – D.J. Prentice. The Murut languages of Sabah. Canberra. 1971.